

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДУШИ

Ольга
Ларькина

ЖЕЛАННАЯ ПРИСТАНЬ

*Непридуманые
истории*

Рассказы для души (Новая мысль)

Ольга Ларькина

Желанная пристань

«Новая мысль»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ларькина О.

Желанная пристань / О. Ларькина — «Новая мысль»,
2016 — (Рассказы для души (Новая мысль))

Удивительно красивые, душевные, добрые, трогательные и нежные рассказы Ольги Ларькиной читаются на одном дыхании. В них – боль и радость, горе и счастье, надежда и вера в Промысл Божий. В них мы убеждаемся в очередной раз, что Господь Бог, в Которого кто-то не верит и не желает верить, есть на самом деле, Бог видит нас, слышит наши молитвы и любит нас, заботится о нас каждую минуту. Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ларькина О., 2016
© Новая мысль, 2016

Содержание

Об авторе	6
Лампадка из жестянки	7
Лизонька	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Ларькина

Желанная пристань

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-520-0994

Об авторе

Ольга Ивановна Ларькина родилась в 1954 году в станице Рассыпная Илекского района Оренбургской области. Окончила Куйбышевский пединститут, ЛИТО. Работала в районных и многотиражных газетах, была редактором заводского радиовещания на заводе космического машиностроения РНЦ «Прогресс». С 1998 года – корреспондент, затем зам. редактора православной газеты «Благовест» (г. Самара). Живет в Самаре.

Автор-составитель книги «Кровавая книга. Грех аборта в России» (2000 г.) и составленного на ее основе сборника «Когда ты была во мне точкой... дочка» (этот сборник в 2010 г. отмечен первым призом I Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ-2010», г. Москва).

Автор сказочной повести «Ящик Пандоры, или Пропавшие дети» и ее продолжения – «Кольцо королевы Горделии», а также повести-сказки «Удивительные приключения Димки Голубева, которые помогли ему стать человеком».

Член Союза журналистов России. Награждена медалью Преподобного Сергия Радонежского II степени (2004 г.), епархиальной наградой Самарской епархии – Серебряным знаком Святителя Алексия (2014 г.).

Мать пятерых детей, теща и бабушка.

Лампадка из жестянки

Ну какая же это была лампада? Так – столетняя, наверное, жестяная консервная банка с прорезанными в стенках дырочками-продухами и фитильком из крепко скрученной и основательно промасленной узкой полоски бинта. Как будто мало в храмах настоящих лампад – и каких! Хочешь – металлические, хочешь – фарфоровые, на длинных цепочках или изящных ножках-подставках...

Дочь сердилась:

– Да на что она сдалась тебе, эта старая жестянка? Давно бы купил новую, а эту на помойку выбросил. Что, денег не хватает? Если уж ты у нас теперь такой молитвенник, так и быть, завтра же сама схожу в церковь и куплю тебе новую лампаду. Только скажи, какую.

– Не надо мне ничего! – угрюмо супил брови Сергей Алексеевич. – Меня эта устраивает.

Никак не могла Светлана понять такое скопидомство! Отец никогда не был Плюшкиным и старую рухлядь всегда выбрасывал без сожаления. А тут – какая-то банка-жестянка. Раньше её в руки взять было страшно, вся в застарелых чёрных потёках. Ну так – моряк, у него эта жестянка заблестела как новенькая, отчистил-отдраил. И всё равно – самоделка, она и есть самоделка.

Далась ему эта лампадка: каждый вечер проверяет, достаточно ли в ней масла, если надо – доливает. Зажигает тоненькую свечку, а от неё уже – самодельный фитилёк из туго скрученного бинта.

И ставит перед единственной в их квартире старенькой иконой – тоже никакой художественной ценности, работа сельского богомаза. Тёмная доска от времени выгнулась дугой, и при колеблющемся огоньке иной раз кажется, будто Николай Угодник едва заметно шевелит поднятой кверху правой рукой.

Когда Света Бочкарева была маленькой, старалась не смотреть на икону Чудотворца. Вот возьмет он сейчас и погрозит ей пальцем, и скажет:

– Опять уроки не сделала, пробежала во дворе? Ишь, лентяйка, всё про тебя отцу расскажу!..

Хотя – отец тогда и не стал бы его слушать. Был он моряком, штурманом, и уезжал из дома надолго, а когда возвращался из своего дальнего плавания, то к иконе и не подходил. И только хмурился недовольно:

– Убрала бы ты, мама, это старьё с глаз долой! Как неграмотная бабка деревенская – Богу молишься!

Бабушка не отвечала – молча поджимала губы и отворачивалась к окну. Убедить сына в том, что Бог, в Которого он не верит и не желает верить, есть на самом деле, что это не бабьи сказки, она не могла. Но и слышать, как он называет её любимую иконку старьём или пережитком прошлого, ей было больно.

Не верила в Бога и сноха. И когда свекровь поздно ночью вставала на колени и тихо шептала молитвы, она сердилась: ну вот, не даст Светке спать, богомолка!

Старая и малая спали в одной комнатке, которую называли детской, а отец шутил – «детской».

Однажды Света проснулась среди ночи от того, что пружины колченогой бабушкиной кушетки жалобно скрипнули. Бабушка осторожно, стараясь не шуметь, поднялась с постели и как была, босая, чуть не бегом подбежала к своему молельному углу. Упала на колени и со слезами стала молиться:

– Господи, Господи, Милостивый Боже, спаси моего сыночка! Святитель Николай, защити раба Божьего Сергия!

Шёпот смешивался с рыданиями и потому был чуть более громким, чем всегда.

И Светлана услышала, что бабушка плачет и молится о её папе. Она хотела негромко сказать:

– Бабуля, не мешай спать! – а получилось, как будто она зарычала. Даже самой стало жутко, нехорошо от этого рычания. А в груди кто-то маленький и злой так и заворочался, подзуживая сказать что-то обидное бабушке, чтобы она раз и навсегда прекратила эти свои моленья. Ишь чего, вружилась¹ по ночам шептать!

Не успела. Мама в соседней комнате услышала, включила свет и, сонно щурясь, вошла в детскую.

– Ну что же такое, Нина Сергеевна, вы что – так и не ложились спать?

– Ложилась. – Бабушка подняла на сноху заплаканные глаза. – Мне страшный сон приснился. Будто Серёжин корабль попал в шторм, и...

– Хватит вам, накаркаете ещё! – оборвала её сноха. – Вы ещё мне Светочку напугайте своими глупостями! И так по вечерам всё шепчете и шепчете. Так сейчас-то чего не спится? На часы посмотрели бы – ведь три часа ночи! Ложитесь и нечего молиться. И жестянка эта круглые сутки копит – того и гляди пожар устроите! Вот приедет Сергей, заставлю выкинуть этот хлам!

– Тогда я от вас уйду. – Бабушка, кажется, в первый и единственный раз осмелилась спорить со снохой. И та осеклась, сбавила тон:

– Ну не выдумывайте, куда вам идти!

– В дом престарелых – куда же ещё...

По щекам у бабушки текли слезы, а она не замечала этого.

– Там ещё скорее всё выкинут! Не обижайтесь, Нина Сергеевна, я ведь вам не враг, – примиряюще сказала сноха. – Не бойтесь, не тронем мы вашу жестянку. Но и вы тоже уймись, хватит шептать по ночам. Сами не спите и нам не даете. Девчонку вон чуть не до рычания довели...

Бабушка не стала спорить, перекрестилась и легла на кушетку. Но не заснула. Лежала, устремив взгляд на трепещущий огонёк перед тёмным ликом Чудотворца, и молча, беззвучно молилась.

Света тоже не спала.

В лунном свете видно было, как блестят слёзы на щеках бабули, а она боялась лишний раз поднять руку и вытереть их.

Наутро у Светы болела голова, она не выспалась. Повязывая красный пионерский галстук, со злостью косилась на икону: вот узнают в классе – засмеют, саму прозовут богомолкой!

А через полмесяца, намного раньше чем ждали, приехал папа. Не прислал телеграммы, приехал – как снег на голову.

Встал на пороге, снял шапку и застыл, глядя не на мать или жену с дочерью, а почему-то в передний угол.

– Сергей, что это! – вскрикнула жена. – Ты поседел!

Он безучастно кивнул, будто соглашаясь: да, есть такое дело, поседел. И шагнул к матери:

– Mamочка, прости!

Он упал на колени и припал губами к её сухоньким рукам.

– Что ты, что ты, сыночек! – Бабушка гладила его посеребрённую ранней сединой голову, а сама пыталась поднять его с пола.

– Мама, я очень виноват перед тобой. И не только перед тобой. Перед... Богом, – он с трудом выговорил последнее слово.

В ту самую ночь их корабль попал в свирепый шторм. Грозовые тучи застелили низко нависшее небо. Огромные волны вздымали судно и швыряли его, как надоевшую игрушку – с

¹ Вружиться – взяться, излишне усердно начать делать что-либо (прим, редактора).

размаху, словно стараясь разбить и утопить в пучине. Сергей Алексеевич не успел и отдохнуть после вахты – бросился на палубу. Команды капитана здесь были почти не слышны – ревущий ветер заглушал слова, комкал их и швырял в солёную бездну. Штурман Бочкарев вместе с матросами на своём участке судна сам, как мог, боролся за жизнь корабля и собственную жизнь. Дело привычное – уж столько лет на море. Хотя в такую жуткую переделку попал, кажется, в первый раз.

Кто-то из моряков торопливо перекрестился, и штурман пожалел, что сам давно уже разучился и молиться, и креститься. Маленьким ходил с мамой в церковь, пока в школе не объяснили, что все эти поповские выдумки были нужны угнетателям, чтобы управлять невежественным, тёмным народом.

Сейчас, когда смерть дышала в лицо, он впервые почувствовал, как близок Бог! Что весь их огромный теплоход – малая песчинка на ладони Божией. Страхнет ли Он эту пылинку на морское дно – или пожалеет?..

Все эти мысли мгновенно пролетели в гудящем мозгу, было не до долгих размышлений.

Матрос Семенов потянулся закрепить оборванный леер, и в этот миг его едва не смыло за борт. Сергей Алексеевич в последний момент успел ухватить его за мокрый насквозь бушлат, изо всех сил подтянул к себе. Оттолкнул от опасно накренившегося борта в подставленные руки боцмана – и... сам полетел в воду, подхваченный обозлённой неудачей волной. И, кажется, уже через пару секунд очутился безнадежно далеко от корабля! Всё: отплавал!..

Гребень волны вознёсся на невероятную высоту, чтобы через миг бросить моряка в глубину.

Через миг...

Но в это томительно долгое мгновение перед отчаянным взором Сергея встал суровый лик Николая Чудотворца со старенькой маминой иконы, трепетный огонёк самодельной (это он ещё мальчишкой по маминой просьбе вырезал простенький светильник из пустой банки) лампадки, залитое слезами мамино лицо.

– Господи, Господи, Милостивый Боже, спаси моего сыночка! – шёпотом кричала мама. – Святитель Николай, защити раба Божьего Сергея!..

И волна замерла, будто прислушиваясь к тихому маминому плачу. А потом... потом медленно развернулась и понесла Сергея назад. Он не верил своим глазам: справа и слева от него всё так же kloкотали мощные встречные волны, а эта, усмиренная, плавно скользила к кораблю. И тихо-тихо, бережно, с материнской нежностью опустила свою недавнюю добычу на палубу.

Не ушибись, сынок!..

А через несколько минут шторм утих – так же внезапно, как налетел.

...Давно уже упокоилась мама Сергея Алексеевича, а пять лет назад и жена его умерла. Ни она, ни дочь так и не смогли до конца поверить в то, что это материнская молитва тогда спасла его от неминуемой смерти.

– Всякое на свете бывает... – пожимала плечами жена. Но о том, чтобы выбросить икону или лампадку, больше и речи не заводила.

Похоронив двух своих любимых женщин, Сергей Алексеевич сделался не то чтобы набожным – раз в месяц, а то и чаще, если выпадал большой праздник, стал ходить в церковь. Ставил свечи на канун и к празднику, заказывал обедни и панихиды. Купил себе молитвослов и Евангелие и в положенные часы добросовестно вычитывал утренние и вечерние молитвы.

И, возжигая от свечки свою самодельную лампадку, будто бы снова оказывался там, в бушующем море, и тихим шепотом просил:

– Милостивый Господи, прости меня, окаянного, – во грехах погибаю! Господи, спаси и помилуй мою неразумную дочь и внуков! Святитель Николай, помоги!..

Лизонька

Мне не пришлось придумывать сюжет этой истории. Всё это было – и я хорошо помню двух главных героинь. Да только времени прошло так много, что имена их забылись, и что стало с ними через столько лет – я тоже не знаю. Вот и написалось – что написалось... Немножко сдвинулись «приметы времени», как будто это было в наши дни... Но это ведь не так уж важно.

У Лизоньки были золотистые волнистые волосы и голубые глазки – как у мамы. Только мама была на бумажном портрете и никогда не спускалась со стены поиграть с Лизонькой, спеть ей песенку или рассказать сказку про Колобка. А папа сказок и вовсе не знал, поэтому укладывать дочку спать получалось не сразу. Лиза плакала, сердилась на непонятливого папу:

– Азави маму! – требовала она, оттопырив губёнку. – Де моя мама, азави её!..

Да – мама мигом уложила бы свою маленькую шалунью. Но только почему-то она как уехала в свою больничку немножко подлечиться, так и не вернулась. Наверное, потому что Лиза плохо себя ведёт – то капризничает, то разбрасывает игрушки и совсем не хочет их собирать. А вчера папа наказал её за то, что она на прогулке подралась с соседним мальчишкой.

– Как не стыдно, ты же девочка! – выговорил он дочурке. Но он же разговаривал по телефону и не видел, как этот злой мальчик взял и соорудил ей гадкую рожу, а потом ещё и исподтишка ущипнул её за плечо. Лиза только стукнула его по руке, а он поднял рев на всю улицу. Тут-то папа и бросился наводить порядок. Шлёпнул дочку не больно, но обидно, и Лиза расплакалась, чем ещё больше рассердила папу, и он увел её домой.

Вечером они пошли в гости к бабушке, она приласкала Лизоньку и почему-то заплакала, хоть её никто и не щипал и не строил ей рожи.

– Сиротинка ты наша маленькая, – шептала она и гладила девочку по шелковистым волосикам. Потом успокоилась, вытерла глаза и накормила их с папой вкусным пирогом, напоила чаем. А когда Лизонька уселась с куклой в уголке комнаты, бабушка негромко сказала папе:

– Извелась девчонка без матери. Нину не вернёшь, ну что теперь – Лизе мамка нужна! Вон и колготки прохудились, и косички заплести некому...

– Не надо об этом! – у отца лицо потемнело. – Есть у Лизы новые колготки, а эти я выброшу. Хвостики я ей делаю, только она их не любит.

– А у Нины все любила: и хвостики, и косички. И голодной не сидела!

– Мам, да что ты говоришь! – вскипел папа. – Ты приходи к нам, попробуй, какие щи я научился варить – не хуже твоих! И в яслях питание хорошее...

Они ещё о чем-то спорили вполголоса, Лиза не могла разобрать, о чём. Услышала только папины слова:

– Такой, как Нина, я нигде не найду! И не буду искать!

Так вот оно что: мама потерялась, а папа не хочет её искать!

Лиза уронила куклу, заплакала в голос:

– Найди мамотьку!

Папа с укором посмотрел на бабушку:

– Мне что – совсем не приходиться сюда? Хватит уж пустых разговоров. Только девчонку разбередила. Мне никакая другая женщина не нужна, и Лизе маму никто не заменит!

Всю дорогу Лиза шмыгала носом и жалобно просила папу найти её «ма-мотьку».

Долго после этого случая они не ходили в гости к бабушке. И сама она больше не заводила никчемных разговоров с сыном.

Лизе скоро будет три годика, её переведут в садик, в малышковую группу. Она уже очень хорошо научилась считать: один, два, четыре, семь... Ой, нет – шесть! И слова произносит как большая. Вот ещё научится выговаривать рrr-ры – и папа не будет дразнить её лёвой-колёвой. Вообще-то она не рёва и никакая не корова. Так, иногда, бывает, плачет. Когда ножку ушибет,

а подуть, чтобы не болело, папа не догадывается. И ещё когда остается одна дома и смотрит на мамин портрет. Почему, ну почему мама не приходит! Только грустно улыбается Лизе, но не говорит ей ни слова.

Может быть, мама спряталась в этом портрете? Но Лиза никак не может дотянуться и снять его со стены. И компьютер, в котором очень много маминих фотографий, папа не разрешает включать.

Лиза говорит портрету:

– А давай я закрою глаза, а ты плидёшь. Вот – я заклыла. «Лаз, два, пять, я иду искать. Кто не сплятался, я не виновата!»

И отняв руки от личика, старательно не смотрит на стену. Заглядывает за кресло, лезет под кровать, под стол, ищет маму за шкафом и в бельевой корзине. Мамы нигде нет. А когда Лиза нечаянно поднимает взгляд на стену, мама успевает забраться в свой портрет. И никак из него не выходит.

Горько вздыхая, Лиза достаёт со своей полочки красивые книжки. Почти все они новенькие, с яркими рисунками и крупными буквами – это папа и бабушка покупают ей книжки. А тех, что покупала мама, почти не осталось.

Лиза раньше была глупенькая и как попало черкала в них папиной ручкой – рисовала. Книжки хоть и из плотной бумаги, а всё равно почему-то рвутся, и папа выбрасывает их в мусоропровод.

На полочке повыше тоже есть книжки, только их Лизе ещё не дают. Пока папа не пришёл из магазина, надо достать их и прочитать. Лиза умеет читать: разглядывает картинки, а папа или бабушка говорят, что под ними написано. Ну вот и сама сейчас, без папы полистает. А если и начеркает фломастером, так совсем немножечко. Нарисует только кошку, бабушку, папу и маму. И Лизу тоже, рядом с мамой. И домик с трубой. И ещё что-нибудь...

Она подставила стул к книжному шкафу и потянулась за книжечкой. Достала – и скорее уселась за свой столик.

На обложке книжки нарисован красивый ангелочек, который держит за руку двух деток, мальчика и девочку, и идёт с ними в церковь. И уже занесённый над книжкой фломастер падает на стол.

Это же та самая книжка, которую мама купила ей в церкви! Она ещё что-то сказала тогда, только Лиза сейчас не помнит. Кажется, пообещала, что Лизонька будет молиться по этой книжечке.

Когда мама ещё не уехала в больничку, она любила молиться. И в уголке на резной полочке у неё были иконы, она молилась перед ними. Тоненькая, стройная, она становилась ещё красивее в эти минуты.

Мама крестила свою маленькую дочку, укладывая её спать, и Лиза быстро засыпала.

Крестила перед тем, как выйти из дому, и мальчишки не обижали её на детской площадке.

Крестила на больших каменных ступенях, прежде чем внести её в церковь. И там все крестились перед иконами. В церкви весёлыми огонёчками горели свечи, пахло сладко и нежно, и старенький батюшка ласково крестил своей рукой Лизину головку, давал ей из ложечки что-то совершенно необыкновенное...

Теперь никто не крестит Лизоньку и не учит молиться. Папа снял со стены иконы и отдал их маминой бабушке, которая живёт в другом городе.

И в церкви Лиза больше не была ни разу.

Лиза перевернула один лист, другой... На страницах книги были нарисованы такие же, как она, маленькие дети, стоящие перед иконами. Вот мальчик зажигает свечу, вот девочка сама как-то особенно сложила пальчики и поднесла руку ко лбу. А вот – большая, почти во весь лист, икона. К такой же иконе, только она была ещё больше, мама с Лизой прикладывались

в церкви. С какой любовью смотрит на неё, Лизоньку, красивая Женщина с Мальчиком на руках! И Мальчик тоже как будто хочет что-то сказать ей – или ждет её слов. Но ведь это же – Маленький Боженька! Это... – да, мама называла Его: Христос! И Он на иконе со Своей Мамочкой!.. Только Лизе Его имя пока не выговорить.

И Лиза встала на коленки, склонила головку перед иконой в этой книжке.

– Боженька, миленький, и Боженькина Мамочка! Пожалуйста, позовите мою мамочку! Я её люблю! Пусть мамочка плидёт!..

Лиза не слышала, как щёлкнул дверной замок и папа вошёл в прихожую, снял куртку и уличные туфли, переобулся в тапки и прошёл в комнату. Замерев на месте, он стоял и смотрел, как молится его маленькая Лизонька. И, кажется, впервые после похорон заплакал. Обнял дочурку и крепко прижал к себе.

В день рождения к Лизе пришли гости – ребята, её ровесники, с их двора. Папа купил много пирожных и большой торт из мороженого. Лизе так понравился этот торт, что она съела аж три холодных, но очень вкусных кусочка.

И простыла.

Пришлось папе вести её к врачу, и тётя доктор написала кучу разных бумажек.

– Завтра с утра сдайте кровь! – строго сказала она папе.

Но сдавать-то кровь пришлось Лизе!

В очереди в лабораторию были и другие дети. Одна девочка вцепилась в свою маму и умоляюще спрашивала:

– А укольчик не сделают?

– Нет, только пальчик немножко кольнут – и всё.

– А больно не будет?

– Не будет, не бойся!..

Папа досадливо нахмурился – он и сам когда-то ужасно боялся уколов. Боязнь прошла, но неприятное чувство осталось. Бедная Лизонька сейчас будет плакать, вырывать свой крохотный пальчик из рук толстой некрасивой лаборантки.

Но из лаборатории никто из детей не выходил со слезами. Двухлетний мальчик с гордостью показал всем свой пальчик с прижатой ваткой и объявил:

– Я сайдат! Сайдаты не пвачут!

И та боязливая девочка тоже вышла с улыбкой:

– И совсем не больно!..

Лиза покорно шагнула в лабораторию, где всё пропиталось резким запахом лекарств.

Полная молодая женщина в белом халате приветливо посмотрела на вошедших, узнала:

– Здравствуй, Лизонька! Что – заболела? Ну ничего, ничего, не бойся, дай-ка я твой пальчик поглажу! Вот он какой маленький, какой хорошенький! Смотри, как порозовел! А сейчас его чуточку укусит маленький комарик. Оп – вот и всё, и совсем не больно!

Она подставила тоненькую стеклянную трубочку с надетой на неё резиновой трубочкой, легонько нажала – и красная капелька устремилась внутрь.

Но Лиза не смотрела на прозрачную трубочку. Она во все глаза уставилась на лаборантку и вдруг закричала:

– Мама! Мамочка!

Лаборантка бережно погладила её руку:

– Ну что ты, Лизонька, уже всё – вот мы сейчас ваткой зажмем, и кровь остановится.

Но девочка отчаянно замотала головой:

– Мама, это же ты!

И кинулась к лаборантке, чуть не опрокинув стоящий на столе ящичек с пробирками.

Женщина прижала к себе Лизу и сама не удержала слёз:

– Лизонька, девочка, я не твоя мама! Миленькая моя, не плачь!

Лиза подняла заплаканное личико:

– Мама, я же узнала тебя! Это же

ты! Я помолилась Боженьке и Его Мамочке, и ты плышла!..

Оторвать её от «мамы» не было никакой возможности. Так, с Лизой на коленях, лаборантка и приняла последних пациентов. Потом она исследовала под микроскопом капельки крови, размазанные по зеленоватым стёклышкам, а Лиза сидела рядом, обхватив своими ручонками её большую белую руку с мелкими веснушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.